

ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1992 г., ЭО, № 3

С. Н. Артановский

ЭТНОЦЕНТРИЗМ И «ВОЗВРАТ К ЭТНИЧНОСТИ»: КОНЦЕПЦИИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В настоящее время на территории бывшего Союза, все шире разворачивается панорама национальных движений. Населяющие его народы переживают этап национального возрождения, восстановления национальных традиций; обострено внимание к родному языку и родным обычаям. Этот закономерный процесс, в конечном итоге обогащающий сами народы и человечество в целом, может идти лишь медленно и постепенно. Он совершенно неотделим от внутреннего созревания каждого члена общества, от демократизации всего общества. Этот процесс связан с грядущим возрождением интеллектуальной элиты, опирающейся в своем творчестве на народные традиции.

Первые проявления национального чувства нетерпеливы и зачастую порождают иной процесс, в генезисе имеющий точки соприкосновения с возвращением к национальным истокам, но в своем развитии обнаруживающий совсем другие черты. Это рост националистического экстремизма.

В целом картина национальных движений пестра и противоречива. Еще несколько лет назад их основу составляли митинги и демонстрации, эмоциональная публицистика. Уже тогда в отдельных выступлениях порой проявлялись черты насилия. Несколько позже к этому прибавились требования суверенитета республик. Прибалтийские республики добились в 1991 г. полной независимости, а вслед за ними на путь независимости встали и другие республики.

Вглядевшись в то, что происходит в столицах независимых государств, входивших ранее в СССР, мы увидели в некоторых из них отчетливые признаки воссоздания командно-административной системы — с новыми эмблемами и флагами, новыми людьми, даже с многопартийностью — но порой с прежней нетерпимостью к инакомыслию, преследованием прессы за неугодное правящим верхам освещение событий, игнорированием мнения иноязычного меньшинства в процессе принятия решений органами власти. В некоторых регионах появилось то, что в одной из недавних публикаций было названо *обратным насилием*¹. За годы перестройки было сделано многое для того, чтобы покончить с общественным устройством, опиравшимся на насилие. Но там, где националистические страсти возобладали, где от общественных движений ускользнул подлинно гуманистический смысл нынешних преобразований, насилие вернулось.

Характерны в этом отношении события в Молдове. Все началось с декретов о языке. Конечно, национальный язык достоин всяческой заботы, но в цивилизованных странах это делается с помощью словарей, академий, поэзии и национальных школ, в которые поступают добровольно. В истории бывали и попытки навязать господствующий язык посредством грозных королевских указов, но это обычно не приводило к добру. Так произошло в наше время и в Молдове — об этом свидетельствуют трагические события в Дубоссарах, начавшиеся 2 ноября 1990 г. и время от времени повторяющиеся. Новым этапом развития националь-

но-этнических конфликтов явились беспорядки на советско-иранской границе в канун 1990 г. Летом и осенью этого же года активизировались политические силы в Румынии, требующие присоединения Молдовы к Румынии. Внутренние конфликты получили активный отклик у международной общественности, произошла интернационализация наших распрей. На Западе общественное мнение всегда сочувствовало стремлению народов бывшего СССР к более свободной жизни, к полному осуществлению их национальных чаяний. Но сегодня там растет тревога по поводу распада Советского Союза под натиском центробежных сил. Вырисовывается перспектива дестабилизации международной системы, потери контроля со стороны Кремля над ядерным оружием, превращения всего региона в пороховой погреб мира. Уже сейчас внутренняя неустойчивость входящих в него государств вызывает недоверие к ним иностранного капитала, необходимого для реконструкции народного хозяйства, тормозит их вхождение в мировое сообщество.

Обострение межнациональных отношений на территории бывшего СССР, рассмотренное как единый процесс, свидетельствует о появлении качественно новых процессов. Между тем для объяснения причин этих сдвигов недостаточно положений, нередко звучащих в речах народных депутатов и в прессе, об ответственности социальной системы, основанной на жесткой идеологии и политическом терроре, а также попыток объяснить все наши беды неудовлетворительным состоянием экономики — вполне в духе экономического детерминизма, который под маской исторического материализма внедрялся в умы наших сограждан на протяжении прошлых десятилетий.

Вполне очевидно, что царизм и сталинская деспотия своей неуклюжей и жестокой политикой нанесли немалый ущерб межнациональным отношениям в нашей стране. Но в национальной политике Российской империи и большевиков было также положительное начало: взаимное обогащение культур, приобщение бывших национальных окраин к мировой цивилизации. На этой основе сложился союз народов, который с неопровержимой убедительностью проявил себя в защите Родины. Этот монолог могла сокрушить — и всего за несколько лет — только какая-то огромная сила.

Ею не могла быть разваливающаяся экономика. Хотя и верно, что ее кризис неблагоприятен для межнациональной консолидации, но сегодня неоспоримо, что ничто так не способствует экономической нестабильности, как распад механизма межрегиональных хозяйственных связей. В этом повинен в основном местный эгоизм, во многих регионах подогреваемый националистическими лидерами.

Сегодня мы все дальше уходим от несправедливости прежних времен, многое сделано для восстановления прав всех народов, в том числе и в законодательстве. Большие усилия прилагаются к выходу из экономического кризиса на пути решительного демократического действия в пользу общего блага. Еще недавно такой была и позиция большинства национальных движений. В их рядах и сегодня много людей доброй воли. Но затем заметно усилилось стремление замкнуться, обособиться, извлечь хотя бы небольшую, но немедленную выгоду для «своих» за счет «чужих». В 1991 г. образовались самостоятельные государства. Но и внутри них пламя «бескомпромиссного» национализма разгорается все ярче. Накал страстей растет. Требования социальной справедливости, еще недавно звучавшие громче всего, отходят на второй план, преобладает идея «приоритета коренной нации».

В этой обстановке не пора ли нам расширить наше представление о причинах межнациональных конфликтов? И вслед за некоторыми нашими учеными² не обратиться ли нам к поискам глубинных истоков межнациональной вражды, не попытаться ли раскрыть собственную логику формирования этнических стереотипов? Характерно, что авторитетные зарубежные ученые, публицисты и государственные деятели считают наиболее важными два момента межнациональной ситуации у народов бывшего СССР — пробуждение издавна существовавшего,

лишь подавленного в прошлые десятилетия национализма и распад структур, которые сдерживали его проявление. Э. Геллнер придерживается именно этой точки зрения. Сегодня Кремль, писал он в годы правления М. С. Горбачева, ведет политику, которой он пытается придать вид приверженности к старым верованиям — пополам с тягой к новым. Провозглашен плюрализм — но что могло бы стать его социальной базой? Средством создания новых представлений и новых ценностей теперь призван стать национализм — тот самый, который ранее безусловно отвергался. ...Пытаясь совершить экономическое чудо, центральная власть выпустила из бутылки джина национализма. Однако неясно, можно ли возродить гражданское общество и в то же время удержать национализм в границах (термин «национализм» Геллнер употребляет в смысле, распространенном на Западе: интенсивное национальное чувство).

Ситуация сложна, взрывоопасна и в этом смысле беспрецедентна. Можно попытаться выяснить, действие каких факторов создало ее, но кто возьмется предсказать, чем кончится дело?...³

Отмечая в своей имевшей международный резонанс статье о перестройке «вспышку национализма», мистер Z пишет: «Причина этого внезапного взрыва лежит во все том же процессе десакрализации, подорвавшем все советские учреждения»⁴. Обращают на себя внимание слова Дж. Бейкера, сказанные по поводу событий в нашей стране: «Свобода выпустила на волю древнюю межнациональную вражду, которая часто заглушает призывы к терпимости»⁵. Суждение госсекретаря США отражает ряд американских концепций межнациональных отношений. То, что они служат теоретическим ориентиром политики США, делает их вдвойне интересными для нас. К рассмотрению этих концепций мы и обратимся.

Важным моментом складывания этноса является этническое самосознание — чувство принадлежности к данной группе, обязательно включающее известное противопоставление своей группы чужой. Если в ходе взаимодействия этнического сообщества с другими этносами это чувство приобретает оценочный характер, возникает *этноцентризм*, представление о превосходстве своей этнической группы над другой.

Это понятие введено в науку американским ученым У. Р. Сэмнером в первые годы нашего столетия и сегодня широко используется в зарубежной науке⁶. Дальнейшее изучение проблем, итог которому в этнологии был подведен в 1970-е годы⁷, показало, что Сэмнер не учитывал всей сложности феномена этноцентризма, но не опровергло его основной тезис. Он был прав, постулируя коренное различие между отношением людей внутри этнической группы и отношением между такими группами. Если в небольших общностях, характерных главным образом для бесписьменных культур, преобладают сотрудничество, совместная работа, совместное отправление культа и общие ритуалы, то отношения между группами иные. Они довольно часто натянуты из-за подозрительности, страха, недоверия к чужому. Правда, встречаются и хорошие отношения между соседними племенами, но они не столь распространены.

Вводя понятие этноцентризма, Сэмнер сосредоточил внимание на его функциональном смысле. Позже в зарубежной литературе, преимущественно американской, был поставлен вопрос о происхождении этого феномена. Где искать его корни — в ситуациях, с которыми сталкиваются группы, общаясь друг с другом, или в психике индивидов? В зависимости от ответа на этот вопрос наметились две основные линии в понимании генезиса этноцентризма. Первую из них поддерживали ученые различной мировоззренческой ориентации; их объединяло то, что они искали корни этноцентризма в отношениях между группами. По-видимому, так думал сам Сэмнер; впоследствии ее проводили М. Шериф, К. Болдинг и др., пытаясь подкрепить свои позиции ссылками на столь различных авторов, как Г. Зиммель и К. Маркс. В американской научной литературе эта точка зрения формулировалась следующим образом: группы соперничают и борются за обладание ресурсами, которых не хватает для всех.

Войны, агрессивные устремления групп — вот почва, на которой возникает этноцентризм. Этноцентризм — это реакция на конфликт и угрозу со стороны других групп.

Более распространенной в литературе США оказалась другая точка зрения, согласно которой конфликт между группами — лишь проективный симптом внутренних психологических состояний индивидов. Поставленное перед лицом врожденной агрессивности индивидов, общество направляет эту агрессивность на другие группы, тем самым смягчая или устраняя борьбу внутри группы.⁸ Эта концепция берет начало от З. Фрейда. Согласно его учению, человеку свойствен глубочайший нарциссизм. Только половые влечения в некоторой степени выводят его из этого состояния, создавая связи между индивидами, формируя группы в общество. Однако нарциссизм не исчезает, а преобразуется в нарциссизм группы. Этноцентризм, по мнению группы американских последователей Фрейда, есть переориентированное выражение индивидуального нарциссизма. Эти ученые утверждают, что существует корреляция между подавлением влечений личности и этноцентризмом группы.

«Чем жестче дисциплина в групповой жизни и связанные с ней ограничения, лишения и требования в виде либо моральных, религиозных, либо экономических санкций, тем больше агрессивность группы, направленная против другой группы или других групп»⁹. Вряд ли такое объяснение является исчерпывающим: на протяжении человеческой истории очень различные факторы способствовали укреплению этноцентризма. Но многое в построениях этого рода верно. Очевидна роль соперничества между этническими группами в формировании этноцентризма. Стоит задуматься и о том, не было ли подавление личности в сталинско-брежневскую эпоху одной из причин проявившегося позже этноцентризма. Спустя столетия после публикации книг Сэмнера американские ученые шире, чем он, подошли к вопросу о происхождении этого явления, подчеркнув, что этноцентристскими могут быть не только «индивидуальные позиции и эмоции, культурные символы и идеология», но и «коллективные действия и социальные институты, связанные с поддержанием порядка и внутренней солидарности, а также с антагонизмом между группами»¹⁰.

В нашем идейном обиходе понятие «этноцентризм» появилось сравнительно недавно — характерно, что в последнем издании «Большой Советской Энциклопедии» оно отсутствовало (соответствующий том вышел в 1978 г), а в «Советском Энциклопедическом Словаре» (4-е изд., 1987 г.) оно уже есть.

Этноцентризм — это свойство групповой психики, древнейший в истории механизм групповой самозащиты. Его содержание: «мы» лучше, чем «они»; наша группа, наш этнос во всех отношениях благороднее, мужественнее, добрее, чем другая группа, другой народ. Следовательно, нам принадлежит «лучший кусок пирога». В особенности же надо быть бдительным, дабы чужеземцы не проникли на нашу территорию: она принадлежит нам и только нам. И если кто-нибудь все же на ней появится, надо скорее вышвырнуть его вон. Здесь этноцентризм сливается с инстинктом территориальности: относительно его некоторые ученые утверждают, что он восходит к нашим животным предкам. Впрочем, другие исследователи это отрицают. Не будем вступать в этот спор. Достаточно сказать, что тысячелетия в истории человечества проходили в условиях разобщенности небольших человеческих групп, имевших туманное представление о том, что находится за пределами тех крошечных участков земли, на которых они жили. Уже гораздо позднее и в куда более цивилизованном обществе географы, составляя карты, писали там, где были белые пятна: здесь обитают львы. Для первобытного человека вся земля, кроме его деревни, была одним белым пятном, и уж, конечно, заселена она была, в его представлении, всякого рода враждебными существами, в том числе и двуногими.

Потом появились контакты и торговый обмен между племенами, еще позднее пришла цивилизация, но понадобились века культурного роста, прежде чем в узком кругу мыслителей зародилась идея единства человечества. Сенека сказал:

мир нам всем единый прародитель. Та же мысль развивается в Евангелии, обеспечившем ей широкое распространение. Уже в новое время М. Монтень, предвосхищая философию просвещения, написал, что чужие обычаи не менее достойны уважения, нежели наши. Еще позже рабочее движение сделало интернационализм (учение о гуманных и равноправных отношениях между народами) реальной политической силой.

Казалось бы, этноцентризм должен исчезнуть. Но этого не произошло. Возникло неустойчивое равновесие между силами притяжения и отталкивания в отношениях между этническими сообществами: жажда контактов то и дело сменялась настороженностью и враждой. В истории мощь и тех и других сил все росла и росла, но баланс между ними менялся мало. Цивилизованное общество вобрало в себя наследие этноцентризма. Но теперь появилось много его разновидностей — в зависимости от того, с какими пластами цивилизации он соединяется и с какими идеологиями он вступает в союз. Об этом еще пойдет речь ниже. Здесь же уместно отметить, что в обычных условиях крепкой государственности и веры людей в духовные ценности примитивный этноцентризм дремлет.

Но мы живем в необычных условиях. В качестве побочного эффекта перестройки, преследовавшей благородную цель ввести СССР в мировое сообщество, можно отметить ослабление власти и крушение идеалов. И, примазавшись к подлинно национальным движениям, к воплощенному в них стремлению людей жить лучше и свободнее, демон этноцентризма вырвался на простор.

И вот что интересно: не раз было отмечено, что национализм возвращает человеку чувство своей значительности. Затерянный в многомиллионной толпе человек вдруг начинает ощущать себя активной действующей силой, от него теперь зависит судьба его страны. Он как бы перевоплощается в героя старинных национальных легенд, который боролся за свой народ и отстаивал его свободу.

Действительно, этноцентризм многолик. Это глубинный субстрат и шовинизма, и патриотизма, подобно тому, как половое влечение является субстратом и возвышенной любви, и преступного изнасилования. Человек живет не сам по себе, а в определенном сообществе. В современном мире личность выступает как член нескольких сообществ — этноса, государства, мирового сообщества. Но исторически всего прочнее этническое окружение личности. Через посредство своей этнической группы человек вступает в глубокую связь с традицией, языком, самобытной культурой своего народа. В этнической среде личность обретает чувство устойчивости, защищенности, той «значительности», которая была отмечена не раз.

Но не следует забывать о том, что этническое сообщество в ряде случаев, особенно в периоды этнических конфликтов и разгула страстей, может и поработать личность. Захваченный половодьем национальных чувств, человек теряет приобретенное в цивилизованном обществе дружелюбие к представителям другого народа, другой веры, других политических убеждений. Утрачивая критическое отношение к своим обычаям и нравственным представлениям, он нередко становится слепым орудием в руках амбициозных националистических лидеров.

И все же нельзя полностью согласиться с теми, кто, руководствуясь благородными побуждениями, говорит о недопустимости считать свой образ жизни, свою культуру, свой язык наилучшими. Этноцентризм — неотъемлемая принадлежность человеческого сознания, и он в определенном контексте морально оправдан — в том случае, если сочетается с терпимостью к укладу жизни и к культуре других народов, уважением к человеческой личности. Об этом хорошо сказал А. С. Пушкин. Рассуждая в одном из писем о достоинствах И. А. Крылова, который, по его мнению, лучший для нас баснописец, Пушкин писал: «Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. ...Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов»¹¹. В этом высказывании подмечена самая суть гуманистического ос-

мысления этноцентризма. Для нас — наше наилучшее; но мы готовы признать, что для других народов их ценности — наилучшие.

Этноцентризм становится разрушительной силой там, где люди перестали верить в справедливость общественного и государственного порядка, где общество потеряло духовные ориентиры. В условиях сильного правового государства этноцентризм можно сдержать, направить в безопасное, а может быть, даже конструктивное русло. Признание этноцентризма важной движущей силой в межнациональных отношениях не вступает в противоречие с национальными чувствами, с идеей национального возрождения. Но изучение этого явления помогает вскрыть глубинные корни этнического своеволия и насилия.

Понимание этноцентризма как изначального, почти что врожденного чувства связано с господствующими в социальной науке начала XX в. представлениями об «инстинктах» и вообще биологических факторах, определяющих социальное поведение людей. Позже эти взгляды были поколеблены; на смену им пришло стремление объяснять общественные явления в социокультурных терминах. Таковым был и наш подход к феномену этноцентризма. Правда, в 1960-е и 1970-е годы успехи этологии, труды К. Лоренца, Н. Тинбергена и др. вновь подчеркнули значение врожденных, а тем более глубинных факторов в человеческом поведении². Все же ситуативные объяснения продолжают преобладать в анализе общественных процессов. В русле такого подхода у ряда ученых возникло желание объяснить современные этнические процессы «возвратом к этничности». Употребление самого термина относится к началу 50-х годов, широкая дискуссия — к 70-м годам¹³.

Остановимся на понимании этничности в трудах американских ученых. Они считают, что в рамках современных этнических процессов этническое сообщество выступает как группа, характеризующаяся не столько языком, цветом кожи или религией, сколько общей историей и сплоченностью вокруг общих символов. Нередко это группа меньшинства в контексте более крупного сообщества.

В жизни современного человечества и в наше время определенную роль играют *нация* и *класс*. Но сегодня к ним прибавилась *этничность*. Это связано, согласно выводу известного американского социолога Д. Белла, с упадком престижа идей нации и класса в некоторых регионах мира. В современном мире, пишут авторы сборника «Этничность. Теория и практика» (1975 г.), значительно возросло стремление многих людей к повышению значения их групповой принадлежности и группового своеобразия и вытекающих из этого прав. Американские ученые называют этот процесс «массовой ретрайбализацией» и отмечают, что он идет вразрез со всем воздействием современной технологии и современных коммуникаций, которые доводят все явления до глобального уровня. Этническая группа, по мнению американских исследователей, стала «убежищем, в которое, во всяком случае, большие массы людей отступают сегодня, очищая арену перед лицом крушения или несостоятельности всех более крупных конгломератов или систем власти и социальной организации»¹⁴.

К этим взглядам близки мысли западногерманского ученого Р. Дарендорфа, который пишет о возврате к изначальным данным — в противоположность приобретенным в социальной жизни — характеристикам как определителям социальной стратификации.

Зарубежные ученые утверждают, что в просвещенных умах XIX—первой половины XX в. господствовало убеждение, что в нашем все более едином мире этнические различия должны были вот-вот потерять всякое значение в плане политическом и культурном. Однако вопреки «либеральным ожиданиям» произошло нечто совсем другое. С 60-х годов нашего столетия начинается подъем этнической идентификации как основы эффективного политического действия в весьма различных сообществах, заявляет Д. Белл¹⁵. Происходит смешение народов, расширение сообществ различного типа; социальные структуры становятся все более бюрократическими, культура — синкретической. В этих условиях «стремление обрести особые или изначальные корни становится весьма интенсивным.

Люди хотят принадлежать к „меньшим“ группам и находят в этничности простое средство осуществить свои желания». Тем более, что классовые страсти в наше время поутихли. Кроме того, «политизация решений, которая отражается на коммунальной жизни индивидов, делает групповую организацию особенно существенной. Этническая группа становится удобным средством добиваться групповых прав или средством защиты от притязаний других групп»¹⁶. По мнению американского социолога, этнические группы, конституированные по религиозному, расовому или коммунальному признакам, являются «индустриальными единицами, которые с ростом индустрии оказались расчлененными экономическими и классовыми интересами. Пытаясь объяснить подъем этничности сегодня, надо рассматривать эту этничность как ныне возникающее выражение изначальных чувств, в течение долгого периода подавленных, но теперь вновь оживших, или как „стратегическое место“, выбранное обездоленными индивидами как новый способ стремиться к политической реабилитации в обществе»¹⁷.

Этничность соединяет интересы с эмоциональными привязанностями — и в этом ее сила. Она опирается на ощутимый набор групповых идентификаций в языке, книге, музыке, именах, в то время как другие социальные роли становятся все более абстрактными и безличными.

Росту этничности способствует ставшая очевидной несостоятельность притязаний старинных наций на культурное превосходство. Возврат к этничности в этом плане есть часть более широкого восстания против империализма в сфере культуры. Антиимпериализм сегодня, пишет Д. Белл, это главная идеологическая страсть¹⁸.

Как бы предвидя возражения, Д. Белл в примечании к своей статье в сборнике «Этничность» делает важную оговорку: хотя этничность проявляется заметнее, чем раньше, она не превратилась в господствующую силу в современном обществе. В определенных условиях экономические интересы класса или устремления нации, ныне латентные, могут стать определяющим моментом в политике¹⁹.

Такова концепция «возврата к этничности», к ней близки мысли Р. Дарендорфа о «рефеодализации мира». Значение этих идей для анализа обострения международных отношений в СНГ очевидно. Этнические процессы здесь в целом протекают в русле общемировых процессов. Конечно, они имеют свои особенности, но это не дает основания утверждать, что международные конфликты на территории бывшего СССР всего лишь следствие «нашей нищеты и обездоленности». Мощные очаги национальных конфликтов есть и в экономически благополучных странах, например в Испании (баски), в Великобритании (Ольстер), в Канаде (Квебек). С другой стороны, сильные позиции национализма в странах Прибалтики нельзя объяснять лишь ухудшением экономического положения народа — общеизвестно, что это были самые преуспевающие республики в бывшем Советском Союзе.

В нашей печати не раз высказывалась точка зрения, согласно которой проблема национальных отношений в «чистом», изолированном виде не существует. Она формируется как результат недовольства людей социально-экономическими и другими обстоятельствами жизни, приобретающими «этнический» облик²⁰.

В этом утверждении содержится существенная доля истины. Всевозможные политические и экономические трудности, переживаемые в настоящее время в Евразийском регионе, как бы переливаются в национальную проблему, которая становится точкой кристаллизации самых острых общественных противоречий. И это понятно. В истории *этническое* всегда было силой, связывавшей в единое целое различные стороны народной жизни и формировавшей *образ жизни* этнического сообщества.

Но именно поэтому *этническое* с самого начала человеческой истории приобрело качественно своеобразный характер и сегодня сохраняет его в полной мере. Развившись на основе совместного проживания и противопоставления иным сообществам, групповая психология этноцентризма сцементировала этнос и сделала его как созидательной, так и потенциально разрушительной силой. Сове-

менная этничность поставила этническую группу на службу процессу политизации мира. И чем больше политический экстремизм преуспевает в своем стремлении использовать национальные чувства, тем вернее этничность превращается в воинствующий шовинизм. Свидетельства тому — события в Осетии, Грузии, Фергане, Нагорном Карабахе, Баку, Душанбе, законодательство в Прибалтике, не отвечающее международным нормам в области прав человека.

Поэтому и важно в анализе межнациональных отношений помнить, что недовольство социально-политическими и экономическими условиями жизни еще не исчерпывает всех причин этнического конфликта. Скорее недовольство — это «спусковой механизм», приводящий в действие другой его, и притом не менее важный, двигатель — изначальное своеволие этноса, его сосредоточенность на самом себе, его способность стать тараном для достижения политических целей — одним словом, все то, что может быть осмыслено с помощью понятий *этничности* и *этноцентризма*.

Этноцентризм, этнические страсти, этничность как возврат к изначальному приоритету этнических ценностей над общечеловеческими содержат несомненный элемент иррациональности. И поэтому в иных ситуациях доводы разума бессильны против разбушевавшейся этнической стихии. В таком случае не обойтись без применения государственно-правовых мер, необходимых для пресечения насилия, — в рамках закона, в целях поддержания закона. В последние годы бывшие союзные и нынешние российские власти не раз опаздывали с решительными действиями по предотвращению насилия. Сумгаитские погромы и «застенчивый» суд над погромщиками полностью это доказывают. Цепная реакция не замедлила сказаться: Средняя Азия, Абхазия, Баку, Карабах, Осетия и т. д.

Однако это несколько не уменьшает значения нравственно-воспитательной работы в области межнациональных отношений. В ее основе должны лежать высокие идеалы. Прежде всего это интернационализм, понимаемый не как унификация образа жизни и культуры народов мира, а как сложение их сил, обогащение национального достояния каждого из них в итоге взаимодействия. Этноцентризм изначален и имеет глубокие корни, но его проявления неоднозначны и зависят от конкретной социокультурной ситуации. Еще более пластична и включена в социально-политический контекст этничность, подвижная, адаптивная и способная принимать различные формы и значения в зависимости от ситуации. Поэтому вполне реально добиваться того, чтобы этническое начало проявлялось лишь в рамках высших духовных ценностей и правовой государственности.

Примечания

¹ Крупник И. И. Национальный вопрос в СССР: поиски объяснений // Сов. этнография. 1990. № 4. С. 9.

² Иорданский В. Национализм или затмение разума? // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 10. С. 127.

³ Gellner E. Ethnicity and Faith in Eastern Europe // Daedalus. 1990. V. 119. № 1. P. 294.

⁴ Z. To the Stalin Mausoleum // Daedalus. 1990. V. 119. № 1. P. 325.

⁵ См. Известия. 24 октября 1990.

⁶ Sumner Gr. Folkways. N. Y., 1906; Sumner Gr., Keller A. The Science of Society, N. Y. 1946. V. 1. P. 353—356.

⁷ Campbell D., LeVine R. Ethnocentrism. Theories of Conflict, Ethnic Attitudes and Group Behavior. N. Y., 1972.

Монография Кэмпбелла и Левайна и другие работы 70-х годов, имеющие этнографический характер, проанализированы в статье С. Н. Артановского «Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии» в сб. «Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука». Л., 1979.

⁸ Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. L., 1955.

⁹ Crone M. Race Attitudes in South Africa. L., 1965. P. 251.

¹⁰ LeVine R., Campbell D. Op. cit. P. 1, 2.

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 6 т. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 19.

¹² Tinbergren N. The Animal in the World. Cambridge, 1972—1973. V. 1—2; Immelman Kl., Beer C. A Dictionary of Ethology. L., 1989. P. 112.

- ¹³ The International Encyclopedia of Sociology. N. Y., 1984. P. 114.
¹⁴ Bell D. Ethnicity and Social Change//Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975. P. 141—142.
¹⁵ Bell D. Op. cit. P. 171.
¹⁶ Ibidem. P. 169.
¹⁷ Ibidem. P. 172.
¹⁸ Ibidem. P. 173—174.
¹⁹ Ibidem. P. 174.
²⁰ Чурбанов В. Б. Какого цвета культурная автономия?//Сов. культура. 20.1.90. С. 5.

Ethnocentrism and «recovery of ethnicity»: theories and reality

In the USSR «freedom let out the ancient ethnic passions» — this George Baker's dictum is a key to the understanding of many crucial processes in our country. Ethnocentrism and ethnicity were the driving force behind the separatist onslaught, which destroyed the historical unity of our country. This paper deals with two American conceptions — of ethnocentrism and ethnicity. A brief survey of discussions around them is given from Sumner to «Ethnocentrism» by R. LeVine and D. Campbell (N. Y., 1977); from «Ethnicity» by Glazer and Moynihan to recent publications. The study of ethnocentrism and ethnicity is considered to be of great importance for analysis of many processes everywhere in the world.

S. N. Artanovsky

© 1992 г., ЭО, № 3

З. М а х

ПОЛЯКИ И ИХ СОСЕДИ

Анатомия официозного национализма
через призму школьного учебника

Так сложилось, что у Польши всегда были сильные соседи, и этим фактом в основном определяется вся ее история. Поэтому значительная часть реконструкций и интерпретаций событий прошлого базируется в Польше на вопросах отношений поляков с «другими» — главным образом с немцами и русскими, а также с австрийцами, турками, шведами. Большую часть своей истории Польша была полиэтничным государством, а самосознание поляков формировалось на основе противопоставления себя украинцам, литовцам, евреям и другим этническим, религиозным и региональным меньшинствам. Независимое польское государство межвоенного периода также было основано на этническом плюрализме, и отношения поляков (в 1931 г. они составляли 68,9% всего населения) с другими народами в польском обществе были одной из первоочередных проблем центрального правительства Польши. Особое место в этом смысле занимали восточные области страны, где помимо поляков проживали украинцы, белорусы, литовцы¹.

Националистическая фракция в польской политике выступала за идею национального единства и «польскость». Р. Дмовскому (1864—1939), отцу современного польского национализма, нация представлялась явлением природным, некоей метафизической данностью, которая по определению не может состоять из различных этнических элементов. Дмовский ратовал поэтому за единство и однородность польской нации и за ее полный контроль надо всей польской территорией². Этническое и культурное разнообразие внутри любой общности этого рода, полагал он, всегда будет потенциальным источником противоречий